

Ирина Ракша

Завещаю тебе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Р19

Ракша И.

P19 Завещаю тебе / Ирина Ракша – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 312 с.

ISBN 978-5-6055644-3-0

Перед вами замечательная книга. Это не только художественная проза большого мастера слова. В ней редкая информация «о времени и о себе», о героях веков минувших и дне сегодняшнем, это интереснейшие мемуары, воспоминания, словно энциклопедия времени. Автор книги Ирина Евгеньевна Ракша — известный писатель, кавалер государственных наград, лауреат литературных премий. Её имя включено в энциклопедии, в «Книгу рекордов России». В её честь Российская академия наук назвала малую планету № 5083 «Иринара». Имеет звания: «Золотое перо России», академик МАРС (Международная академия русской словесности), членкорр. МАНИ (Международная академия наук и искусств), Народный писатель России и др.

Итак, вы на пороге увлекательного чтения и новых открытий!

На обложке фото Я. Халипа. Обложка журнала «Советский Союз», 1956 г., № 3. «Утро на целинных землях Алтая. Учётчик Ирина Ракша».

ISBN 978-5-6055644-3-0

© Lennex Corp, 2026
© И. Ракша, 2026

Ирина Ракша

ЗАВЕЩАЮ ТЕБЕ

*Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлёт раба.
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.*

Б. Пастернак

Москва
Интернациональный Союз писателей
2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р19

Продюсер проекта Елена Наливина

Ракша, Ирина

Р19 Завещаю тебе / И. Ракша. — Москва : Интернациональный
Союз писателей, 2026. — 312 с.

ISBN 978-5-6055644-3-0

Перед вами замечательная книга. Это не только художественная проза большого мастера слова. В ней редкая информация «о времени и о себе», о героях веков минувших и дне сегодняшнем, это интереснейшие мемуары, воспоминания, словно энциклопедия времени. Автор книги Ирина Евгеньевна Ракша — известный писатель, кавалер государственных наград, лауреат литературных премий. Её имя включено в энциклопедии, в «Книгу рекордов России». В её честь Российская академия наук назвала малую планету № 5083 «Иринара». Имеет звания: «Золотое перо России», академик МАРС (Международная академия русской словесности), член-корр. МАНИ (Международная академия наук и искусств), Народный писатель России и др.

Итак, вы на пороге увлекательного чтения и новых открытий!

На обложке фото Я. Халипа. Обложка журнала «Советский Союз», 1956 г., № 3. «Утро на целинных землях Алтая. Учётчик Ирина Ракша».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6055644-3-0

© Ирина Ракша, 2026
© Интернациональный Союз писателей, 2026

К ЧИТАТЕЛЮ

Я родилась в Останкино, москвичка в четвёртом поколении. Родители — выпускники ТСХА, агрономы. В войну с фашистами мой отец-танкист дошёл до Берлина. Мы с мамой эвакуацию пережили в Сибири. В Москве я училась в общеобразовательной и музыкальной школах. С 1954 по 1957 год работала на целине, на Алтае, в совхозе «Урожайный». Окончив десятилетку в селе Советское, вернулась в Москву и поступила во ВГИК (сценарный факультет). Где и вышла замуж за художника Юрия Ракшу (Теребилова) и родила дочь Анну. Получив диплом, окончила и Литинститут им. А. М. Горького в 1974 году. В течение жизни опубликовано немало книг художественной прозы. А последние годы стали особенно плодотворными, «болдинскими».

По моим сценариям снят и ряд кинофильмов, как игровых, так и документальных. Исколесила полмира. Будь то Великая китайская Стена и дом Дэн Сяопина или парад в Париже в честь последнего года у власти Шарля де Голля, египетские пирамиды или Иерусалим,

мученический путь Христа на Голгофу (храм Гроба Господня), чукотские яранги на берегу Ледовитого океана или Георгиевский зал в Кремле — всё это и многое другое нашло отражение в моём творчестве.

Мой многолетний учитель по Литинституту, великий поэт Михаил Светлов, написал обо мне статью, которая заканчивается так: «Ирина, я называю тебя талантливой! Смотри не подведи меня!». Что я и стараюсь делать всю жизнь.

Ч. Ракитин

I. ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

С ЛЁГКИМ ПАРОМ, или ОДА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ

В истории человечества так много внимания было уделено баням (древним, античным, средневековым термам), так много о них написано, что тут не хватило бы места перечислять все эти энциклопедии. Я же к слову о банях хочу добавить и свои две копейки. И пусть будет эта моя малая лепта — про бани московские. Но не про давние, знаменитые, например Сандуновские («Сандуны»), для аристократов и богатей, для купечества и дворянства. С канделябрами и коврами в кабинетах и коридорах. С живой музыкой (игрой на скрипках и фортепиано), мраморными бассейнами, колоннами, настенными фресками и живописью в номерах. С полуголыми массажистками и мускулистыми банщиками с чудо-вениками из лавра, дуба и пихты... О «Сандунах» многое и в подробностях уже написали Куприн, Гиляровский, Зощенко и другие классики. А ещё плюс певцы и актёры, часто бывавшие там.

Я же хочу вспомнить бани другие, которые знала с детства. Городские бани для бедняков, для люда простецкого, разночинного, мещан и торговцев. Такие бани были во всех районах Москвы. И ближе к центру, и на рабочих окраинах, даже в посадах. И в народе они были желанны, необходимы и очень любимы...

Вот и в моём детстве раз в неделю мы ходили в баню мыться. Это было правилом, а скорее даже праздничным ритуалом, которого ждали. Помню две бани моего детства. «Андроньевские» (у бабушки, почти в центре Москвы, у Таганки) и «Алексеевские» (недалеко от моего родного дома в Останкино, у завода «Калибр»).

Но прежде чем говорить о них, вспоминаю, что однажды я уже писала об этом в рассказе «Ода его величеству». Вообще-то разные оды,

панегирики, мадригалы поэты посвящали императорам, полководцам, героям войн и олимпийского спорта. В наше время оды писать перестали. Поздравляют всё больше простенько: по телефону, порой телеграммой, а теперь по Интернету. И не как прежде, в рифму, в стихах и с музыкой, а в прозе. В суровой прозе. В советское время, например, писатель Виктор Астафьев всё-таки сочинил хвалебную песнь огороду. Он так и называл её: «Ода русскому огороду». Написано талантливо (впрочем, как всё у него). Но обычно оды как возвышенный комплимент писали поэты. Кому-то, чему-то. От Горация до Петрарки, от Ломоносова до Пушкина, от Баратынского до Гумилёва и так далее. Но вот далее дело с одами как раз заглохло. В двадцатом веке, после суровых, кровавых войн и революций, этот изысканный жанр совсем увял. И пока, уже в новом веке, что-то не расцвёл, не возродился. А мне давно хотелось воспеть один бытовой предмет, который уже много лет всё служит и служит мне, а также всему человечеству. И называется он обычно и прозаично — таз. Но это был не просто таз, а его величество таз. Ни клейма, ни печати на нём не было. И неизвестно когда, на какой фабрике он рождён.

О, как долго этот эмалированный белый таз сопровождал меня в жизни! Сперва, конечно, сопровождал мою бабушку, затем маму, потом уж меня. И был твёрд, послушен и щедр, ибо был широк, глубок и распахнут. Постоянно, конечно, блестящий, поскольку, сотни раз мытый, он казался новеньким, как новорождённый. А главное, был всегда очень нужным, порой просто необходимым. И притом в самых важных и разных случаях. «Я без него как без рук», — говорила бабушка и со стуком доставала его из ларя в кухне. И мама так говорила. А потом я.

Тазы эти были буквально бесценны. Чего в них хозяйюшки только не делали, не готовили! В них стирали и полоскали бельё. Представляете, сколько всякого белья благодаря тазу за целый век стало чистым? И если это бельё сложить стопкой, то, наверно, она достанет до неба.

В них замешивали и мяли тесто перед выпечкой хлеба. К каждому празднику в них нарезали уйму овощей — готовили непременный свекольный винегрет. А ещё в сезон осеннего урожая варили в кухнях из ягод и фруктов ВАРЕНЬЕ. О, этот лакомо-сладкий дивный запах булькающего в тазу варенья! И рядом седая бабушка в извечном фартуке стоит с деревянной лопаткой у горячей плиты. И я, кроха, тут же, но

чуть поодаль (от горячих, случайно летящих брызг), в ожидании пенок, снятых с варенья в блюде. Законная сладость и радость всех внуков и внучек! При варке варенья у бабушки был свой секрет: на дно таза она клала фамильную ложку из серебра, чтобы варенье не портилось. И оно действительно не портилось до следующего урожая. (Хотя специального медного таза для варки варенья у нас почему-то не было.)

Но последней каплей восторга перед тазом является его роль в купании детей. В нём перекупалось три поколения ребятишек нашей семьи. И бабушкиных, и маминых, и моих. Конечно, не новорождённых (там нужна детская ванночка), а детей подросших, которых мамы брали в общественные бани. И их румяные голые попки сидели в горячей воде на белом дне таза.

Именно с таким семейным тазом и сменным бельём, мочалкой и мылом мы ходили в баню. Домашний таз брали с собой, разумеется, для ребёнка, то есть для меня. И если в Останкино в баню мы ездили с мамой на гремющем трамвае из двух высоких деревянных вагонов, то с бабушкой ходили пешком, неспешно и чинно, как бы торжественно, пересекая Садовое кольцо. (В отличие от мамы, которая всегда куда-то спешила.) Бани «Андроньевские» были на высокой горе у Спасо-Андроникова монастыря. С горы, от стен монастырского храма, нам, как с высоты птичьего полёта, широко открывалась чудо-картина, как и некогда, наверное, рублёвским монахам-строителям. Внизу темнела любимая наша речка-невеличка Яуза с её ленивым течением, идущим к Москве-реке. Тут видели мы и мост через Яузу. А на том берегу, уже в заречье (в Сыромятниках), виднелись, как старые разбросанные игрушки, убогие серые домики, амбары, сараи, заборы. Они были глухие, словно прижатые тучами. И над всем этим стоял грай и летали стаи чёрных ворон. А мы с бабушкой перед мытьём в бане, куда оставалось рукой подать, стояли рядом, старый и малый, у святых белокаменных стен и, перекрестясь, смотрели и вдаль, и вверх — на золотые вознесённые купола и кресты. Они словно соединяли небо и землю. И мне хотелось раскинуть детские ручки, как бы сгрести, подтянуть и поднять снизу вверх все эти игрушки, эту серую даль с вороньим криком, сюда, под благой свет святых куполов.

...А вот в Останкино мы с мамой ездили мыться в баню тоже с таким же большим тазом, с мочалкой, мылом и сменным бельём. Но на

гремящем трамвае № 39 — в село Алексеевское, до пятой остановки «Завод “Калибр”» (теперь это проспект Мира). В высоком дребезжащем вагоне. Толстая кондукторша в перчатках без пальцев (их отрезали, чтобы было удобней считать мелочь за проезд) кричала на весь вагон охрипшим голосом: «Граждане, оплачивайте проезд!.. Следующая — завод “Калибр”. Бани!» И, кинув монеты в сумку, висящую на животе, тут же отрывала билетки с рулонов, висящих на груди. Белый — для взрослого, голубенький — для ребёнка. А ещё у неё была метровая палка, чтоб не ездили «зайцем». Если ребёнок выше палки — плати, если ниже — бесплатно.

Ах, эти трамвайные билетки середины прошлого века... Мы их не выбрасывали, потому что по ним гадали, как по картам, «на счастье, на нечаянную радость». Например, если сумма двух первых и двух последних цифр получалась круглой, то билетик мелко рвали и... глотали. Да-да, съедали, чтобы не упустить удачу. И наша удача действительно состоялась. Папа-танкист, гвардии капитан, вернулся с войны, и даже не раненый.

А баня при «Калибре» стеной вплотную примыкала к заводу, считалась заводской, и рабочие после смен, в отличие от людей городских, мылись бесплатно. Дни мужские и женские чередовались. Расписание кассирша писала карандашом от руки и вешала бумажку снаружи на дверь предбанника. А в нём, душном и тёплом от влаги, мы разувались и раздевались догола у больших деревянных лавок с перегородкой посередине, делящей лавку надвое. На перегородке с обеих сторон наверху торчали крючки с номерами. И каждый под «своим» номером складывал своё бельё, как чистое, сменное, так и снятое. Мы туго закутывали свою одежду в мамину юбку, в круглую, мягкую, словно болотную, кочку. И мама перекрещивала её от воров. А ещё исподнее бельё можно было бесплатно сдать в санобработку, в прожарку — от гнид, вшей и блох. После банной помывки, перед уходом, ты получал его по талону уже без паразитов. И справку в два слова с синей треугольной печатью: «Санобработку прошёл... Санпропускник №...». Но мы с мамой бельё не сдавали.

Мама, прихватив таз и взяв меня за ручку, распахивала дверь в помывочный зал. Нас тут же обдавало волной горячего пара и оглушительным шумом падающей воды, как возле горного водопада. Это лилась,

гремела вода из кранов, из душа, что в углу зала, из десятков казённых жестяных шаек о двух ручках, в которой, как в тумане преисподней, мылись тела. Мокрые, скользкие тела голых простоволосых женщин. Молодых, старых и малых. Одни сидели на горячих каменных лавках, ошпаренных кипятком. Другие с шайками в руках теснились в очередях к кранам с горячей и холодной водой. Третьи мыли детей или мочалками тёрли друг другу спины. Иные, склонившись к шайкам в мыльной обильной пене, буквально как бельё, стирали свои волосы. Седые, русые, чёрные. Длинные и короткие. Мыло было разное, трёх сортов. Брусок очень тёмного мыла, которым мылось большинство, называлось «простым». Им и бельё стирали. А то, что поменьше, даже с печатью «72 %», было посветлее. Интересно, а чего семьдесят два-то? Сода, собачьего жира или чего-то ещё? И наконец, самое желанное ароматное розовое мыло называлось «Земляничное». Правда, было ещё мыло «Детярное», очень вонючее, но его, как правило, в баню не брали.

Обычно матери первыми мыли, конечно, детей. И те, старательно натёртые мочалками с мыльной «едучей» пеной, затем омытые тёплой водой, розово-чистые, как ангелочки, смиренно сидели в домашних тазах. Смотрели по сторонам ясными глазками и отдыхали от пережитого «мучения»... Так вот и я, намытая «до скрипа», отдыхала, сидя по-турецки в прохладной воде, в нашем тазу. И всё, что сперва мне казалось в пару и шуме чуждым, как в преисподней, постепенно менялось, преображалось. Все те дети и взрослые, что в суровом мире за стенами в своих убогих, нищих одежках — рваных ватниках, стёганках, в стоптанных валенках, опорках и сапогах, в отцовских ушанках и старых шалях — ещё сегодня с утра, возможно, жестоко ругались, друг на друга орали и дрались в очередях на рынках, в магазинах и во дворах, теперь виделись мне совсем иными. Беззащитными, добрыми, чуткими. И потому прекрасными, как в раю. «Гражданочка, потрите мне, пожалуйста, спинку», — говорит одна соседка по лавке другой, совсем незнакомой тёте. И вот они уже, словно родные, моют друг друга бережно и старательно... И сколько я ещё встречу таких преображений в своей жизни...

Эти голые беззащитные люди тёрли друг другу спины, окатывались из шаек горячей водой. А за стеной в то же время, в оружейном цеху с портретом Сталина в красном углу, под потолком, исхудалые,

измученные войной и послевоенным голодом женщины и подростки в ватниках изготавливали, таскали, грузили снаряды. Разных калибров. Громыхая, плыла без остановки по цеху чёрная лента конвейера. И надрывно, словно в отчаянье, стучали, крутились станки. Горько пахло машинным маслом, железом. И сотни, сотни остроносых смертоносных снарядов скапливались в цехах у вагонеток и во дворе у платформ и то-варняков. Во время войны они отправлялись отсюда на фронт, а после неё — в арсенал, в хранилища.

Жизнь и смерть дышали рядом.

А однажды, когда я была уже первоклассницей, в этой же бане, в помывочном зале, я испытала шок. Пережила сильное потрясение. Уже вымытая, я украдкой смотрела на голую маму, стоящую с шайкой поодаль, у кранов, среди таких же голых женщин. И вдруг... О ужас! — даже дыханье сбилось. Узнала в лицо Раису Петровну, свою первую, уже любимую учительницу. Но она была не она. Потому что совершенно... голая... Ну совсем, совсем го-ла-я. Голова, плечи, груди. И ещё... тёмный уголок у ног, как и у мамы. Они рядом стояли с шайками у кранов в ожиданье воды и, как ни в чём не бывало улыбаясь, беседовали. Да-да... О чём-то мирно, спокойно беседовали. Словно так всё и надо. Но она-то, Раиса Петровна, она же была у-чи-тель-ни-ца! Которая этим утром вызывала меня к доске... А тут была какая-то мокрая белотелая тётя о двух руках и ногах и голая... перед всеми. Ах, только б она не повернулась ко мне! Я готова была испариться. Замерла, умерла, вобрала голову в плечи. Моё лицо заливал жгучий стыд. А сердце словно не билось... Только бы она меня не заметила, не узнала. Вот такую голую. Сидящую, как младенец, в домашнем тазу... Хотелось исчезнуть, как невидимка... Но тут спасла дело мама. Она подошла с полной шайкой воды: «А знаешь, кого я сейчас встретила? Твою учительницу. Она довольна тобой». И, грохнув тяжёлую шайку на камень лавки, невольно загородила меня. И тем самым буквально спасла, как я считала, от неминуемого позора. Ведь только сегодня утром в классе эта стройная пышноволосая Раиса Петровна вызывала меня к доске. А закончив урок, громко диктовала классу домашнее задание в букваре на завтра. И вдруг... Вдруг — такое!.. Невыносимое. Немыслимое до слёз..